

Научная статья

УДК 81'37

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-54-63

Отражение сферы интимных отношений в монгольских языках

Екатерина Владимировна Сундужева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирского отделения Российской академии наук

Улан-Удэ, Россия

sundueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению глаголов монгольских языков, характеризующих процесс совершения полового акта. Среди них выявлены образования с исходной семантикой удара, представляющие собой семантическую универсалию. Примечательно функционирование заместительных глаголов с целью избегания коммуникативного дискомфорта. Глаголы рассматриваемого поля обладают национально маркированными чертами, обусловленными культурным своеобразием речевой культуры и традициями монгольских народов. В частности, выявлены случаи переноса скотоводческой лексики в сферу отношений между полами. Наличие богатейшего пласта изобразительной лексики в монгольских языках также позволяет искусно завуалировать неуместные формы. Анализ слов, относящихся к сфере интимных отношений, позволил прийти к выводу о том, что в их семантике содержится как универсальный, так и специфический характер ментального мира носителей монгольских языков.

Ключевые слова

монгольские языки, глагол, семантика, номинация, эвфемизм, дисфемизм

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000258-9 «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности»)

Для цитирования

Сундужева Е. В. Отражение сферы интимных отношений в монгольских языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 54–63. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-54-63

Reflection of Intimate Relations in Mongolian Languages

Ekaterina V. Sendueva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Ulan-Ude, Russian Federation

sundueva@email.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Abstract

Purpose. The author considers the verbs of the Mongolian languages characterizing the process of sexual intercourse. Due to the high degree of taboo of the topic under consideration, a large number of the verbs of Mongolian languages appeared in processes of the lexicalization of the figurative meaning of the word and the lexicalization of syntactic phrases.

© Сундужева Е. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 54–63

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 54–63

Results. The material of paper contains only two verbs formed using the affixal way of word formation. From the point of view of evaluative variation, euphemisms, dysphemisms, and orthophemisms can be distinguished among the verbs of the sphere under consideration. There are verbs with the initial semantics of impact, representing a semantic universal, are identified. The functioning of substitutive verbs in order to avoid communicative discomfort is noteworthy. The verbs of the field under consideration have nationally marked features due to the cultural originality of the speech culture and traditions of the Mongolian peoples. In particular, cases of the transfer of pastoral vocabulary into the sphere of relations between the sexes have been identified. The presence of a rich layer of imitative words in the Mongolian languages also makes it possible to skillfully conceal inappropriate forms. The analysis of words related to the sphere of intimate relations allowed us to conclude that their semantics contain both the universal and specific character of the mental world of native Mongolian speakers.

Keywords

Mongolian languages, verb, semantics, nomination, euphemism, dysphemism

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment (project no. 121031000258-9 “Man’s World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth”)

For citation

Sundueva E. V. Reflection of Intimate Relations in Mongolian Languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 54–63. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-54-63

Актуальность изучения пласта лексики монгольских языков, связанной с вербализацией половых отношений, обусловлена тем, что он является частью системы морально-нравственных ценностей народа. Ее изучение связано с определенными затруднениями, обусловленными высокой табуированностью этой темы, особенно среди информантов старшего поколения. В данной работе нами будут рассмотрены наименования процесса совершения полового акта с целью выявления особенностей данного семантического поля. Материалом для исследования послужили данные двуязычных, толковых словарей монгольских языков, «Электронного корпуса бурятского языка», фольклорные источники, а также полевые записи автора. Анализу подвергнуто 85 лексических единиц с рассматриваемой семантикой. Были использованы описательный метод, методы сплошной выборки, систематизации выбранных языковых единиц и их контекстологического анализа. Лексика, связанная с половыми отношениями, с позиции этимологии стала предметом рассмотрения монгольского ученого Ш. Одонтора [1996]. В целом вопросы эвфемизации в монгольских языках освещаются в работах Д. Д. Санжиной [2005], Г. С. Биткеевой [2007], З. Д. Ульзетуевой [2009], О. С. Цыдендамбаевой [2011]. Ранее нами были изучены существительные монгольских языков, обозначающие любовь в ее духовном проявлении, а также некоторые соматизмы телесного низа, входящие в состав обценной лексики бурятского языка [Сундужева, 2016а; 2016б].

Единственным непроемким однозначным глаголом данного семантического поля является п.-монг. *oququ* ‘иметь половые сношения’ (Lessing, 1960, p. 626), монг. *оох* ‘иметь половые сношения’ (БМРС II, с. 505). Более точная дефиниция дана в бур. *оохо* ‘иметь сношение с лицом женского пола’ (БРС II, с. 57), взаимный процесс передается с помощью аффикса совместного залога: монг. *оохдох*, бур. *оохдохо*, *оохолдохо*, калм. *охлх* ‘заниматься сексом’. Слово относится к вульгаризмам, образует в бурятском языке пейоратив *ёохомор*, возникший в результате стяжения словосочетания *эхээ охомор*, где *эхээ* ‘свою мать’, в халха-монгольском языке *эцгээ ал*, *эхээ ох*.

В связи с высокой степенью табуированности рассматриваемой темы в монгольских языках представлено большое количество как простых, так сложных глаголов, возникших в результате лексикализации переносного значения слова и лексикализации синтаксических словосочетаний. В нашем материале зафиксировано лишь два глагола, образованных с помощью аффиксального способа: п.-монг. *tačiyalduqu* ‘чувствовать взаимную к себе страсть; coire’ (Kowalewski, 1849, p. 1654) – посредством суффикса *-du* от существительного *tačiyal* ‘вожделение’; бур. Барг. *тамхилха* ‘заниматься сексом’ – посредством суффикса *-ла* от существительного *тамхи(н)*. Основное значение слова ‘табак’, однако оно также используется в монгольских языках как наименование мужского полового члена, как правило, детского,

например, мальчику говорят: *Тамхяа бү бари* ‘Не трогай там’. Так, раньше старики шутливо обращались к мальчикам: бур. *Тамхяа татуулыи / үндүүлыи*, монг. *Алив тамхийг нь татъя* ‘Дай на понюшку’. По предположению Ш. Одонтёра, метафорический перенос основан на том, что запах мокрых пеленок по крепости ассоциировался с запахом нюхательного табака [Одонтёр, 1996, х. 18].

С позиции оценочного варьирования среди глаголов рассматриваемой сферы можно выделить эвфемизмы, дисфемизмы и ортофемизмы. К. Аллан и К. Барридж определяют эвфемизмы как благозвучные и вежливые выражения, дисфемизмы – как выражения грубые и оскорбительные, ортофемизмы – как нейтральные обозначения [Allan, Burridge, 2006, p. 29]. Л. П. Крысин, рассматривая сферу, касающуюся личной жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц, выделяет в ней четыре группы эвфемизмов: физиологические процессы; части тела; болезнь и смерть; отношения между полами [Крысин, 2000, с. 384–408].

Ортофемизмы. Ряд сложных глаголов образован с помощью существительных со значением ‘вожделение’ и глаголов монг. *үйлдэх* ‘делать, производить’, *эдлэх* ‘испытывать’: монг. *хурьцал үйлдэх*, *хурьцал эдлэх* (БАМРС IV, с. 173, 398), бур. *хурисал үйлэдэхэ*, *хурисал эдлэхэ* ‘иметь половые сношения’ (БРС II, с. 159, 651), п.-монг. *tačiyal edlekü* ‘чувственно наслаждаться: соитие’ (Kowalewski, 1849, p. 1652), бур. *дура эдлэхэ* ‘удовлетворять похоть’: *Юун болоо юм, Хандама илангаяа халуун, бээз хүсэд үгэнги байжса, эсэтэрээ хоюулан дура эдлээд, Хандамын асархан квас уужса, энэ ушарай шалтагааниие ойлгожсо ядан хэбтэбэб* (Ц. Цырендоржиев)¹ ‘Непонятно, что случилось, Хандама была особенно горячее и раскрепощенной, мы до усталости занимались любовью, а потом я лежал, попивая принесенный Хандамой квас и не понимая причину произошедшего’ (здесь и далее перевод наш. – Е. С.).

Глагол *edlekü* ‘наслаждаться, вкушать; испытывать’ (Kowalewski, 1849, p. 203) может сочетаться с существительными (монг. *аз жаргал эдлэх* ‘испытывать счастье’, *зовлон эдлэх* ‘переносить страдания’), а также самостоятельно передавать значение ‘совершать половой акт с лицом женского пола’: бур. *Нюдээз анихадаа, Хандамыемни ямар нэгэ ондоо эрэ эдлэжэ, хайхан уралнуудһаань унаһан амтатай ёолоое даран, эбдүүсэн таалаһандал һанагдаад, би эжэлүүдгүй ёолобоб* (Ц. Цырендоржиев) ‘Закрыв глаза, я представил, как другой мужчина занимается любовью с моей Хандамой, жарко целуя ее, заглушая сладкий стон, срывающийся с ее прекрасных губ, и непроизвольно застонал’.

Переносное значение ‘совершать половой акт с лицом женского пола’ развилось от основного монг. *эдлэх* ‘владеть, обладать, иметь’ (БАМРС IV, с. 399), бур. *эдлэхэ* ‘употреблять’ (БРС II, с. 650): *Арбадахие дүүргэхэдээ, би түрүүшынгээ эхэнэрые эдлээ һэм* (Ц. Цырендоржиев) ‘Когда я заканчивал десятый класс, впервые познал женщину’. Сложный глагол бур. *хүсөөр эдлэхэ* ‘насиловать’ дословно имеет значение ‘насиленно совершать половой акт’: *Шамайе хүсөөр эдлээд, басаган бэеыешни бузарлажархихаб* (М. Осодоев) ‘Силой овладев, я оскверню твоё девственное тело’. В русском языке глагол *иметь* также используется в значении ‘совершать половой акт с кем-либо’. Данная семантическая филиация связана с патриархальными воззрениями на секс, когда мужчина использует женщину в своих интересах, не учитывая ее. Взаимный интерес прослеживается в бур. *бэе бэеын эдлүүри* ‘секс’ (досл. ‘использование друг друга’): *Хоюулан сэбэр агаараар амилан, бэе бээдээ няалдаад хэбтэхэдээ, бидэнэртэ бэе бэеын эдлүүри хэрэггүй байгаа* (Ц. Цырендоржиев) ‘Когда мы, дыша свежим воздухом, прижимались друг к другу, нам не нужен был никакой секс’.

Дисфемизмы. К словам сниженного стиля со значением ‘совершать половой акт с лицом женского пола’, подчеркивающим доминирующую роль мужчины в сексуальном контакте, относится ряд глаголов с основной семантикой активного физического воздействия, в том числе удара, проникновения, размещения: монг. *гөвөх*, бур. *гүбихэ* ‘бить, ударять’; монг. *цохих* ‘бить’; монг. *шаах*, бур. *шааха* ‘всаживать, втыкать’; бур. *ташаха* ‘шлепать, ударять’; монг. *нухах*, бур. *нюхаха* ‘мять, разминать’; бур. *носохо* ‘приставать, домогаться’; бур. *бууда-*

¹ Примеры взяты из Бурятского корпуса. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

ха ‘стрелять’; бур. *хадаая хадхаха* ‘забить свой гвоздь’; бур. *мяхан хутагаар хадхаха* ‘тыкать мясным ножом’ (ср. рус. *кожанный кинжал*), бур. *модоо хаяха* ‘бросать свою палку’ (ср. рус. *кинуть палку*) и пр. Подобный перенос значения представляет собой семантическую универсалию (ср. рус. *трахать* от ‘ударять с силой и шумом’; *драть* от ‘рвать на части или повреждать чем-то острым’, *шпилить* от ‘пронизывать шпилькой’ и др.).

Глаголы со значением физического воздействия, завуалированно обозначающие половой акт, представлены в уникальном эпическом произведении «Ужа намган», записанном 18 августа 1928 г. Г. Д. Санжеевым от Николая Тужинова в улусе Ср. Куйта Унгинского хошуна Аларского аймака Иркутской области. Небольшое по объему произведение, состоящее из 181 строки, повествует о женщине, искавшей и нашедшей мужа с «большим достоинством». Процесс их совокупления красочно описывается следующим образом: *дабаралдажа байжа, / далан хүбүү гаргабад, / охолдожо байжа / олон хүбүү гаргабад, / ёборолдожо байжа / юһэн хүбүү гаргабад, / шаалдажа байжа / шаастайе гаргабад, / түлхилдэжэ байжа / түмэн хүбүү гаргабад*² ‘кувыркаясь, / семьдесят сыновей родили, / совокупляясь, / множество сыновей родили, / ударяя друг друга кулаком, / девять сыновей родили, / дерясь, / дочерей родили, / толкаясь, тьму сыновей родили’. Здесь глагол *дабаралдаха*, отсутствующий в «Бурятско-русском словаре», переведен приблизительно на основе значения глагола *дабаха* ‘переваливать *через что-л.*’. По наблюдению Л. С. Дампиловой, при подчеркивании в фольклорных гиперэротизма основное значение имеет не столько мотив коитуса, сколько тема производительности [Дампилова, 2008, с. 37].

В баргузинском говоре зафиксирован глагол *дарасалдаха*, образованный от глагола *даралдаха* ‘давить друг друга’, так же как *охосолдох* ‘иметь половые сношения’ (БРС II, с. 57) от глагола *охолдох*. Выражение *дэбдхэр хобсор болтороо дарасалдаха* можно перевести как ‘заниматься любовью пока тюфяк не превратится в половик’.

Монгольские языки обладают богатейшим классом изобразительных слов, восходящих к определенным звукам и образам, с помощью которых также вуалируются половые отношения. Так, в фонде С. П. Балдаева содержится шаманское призывание «Хүгшүүд» (Сивые девицы), в котором символический акт оплодотворения дочерей Эсэгэ Малан тэнгри молодым тунгусским охотником Хан Нахураем передается посредством аналитических конструкций с изобразительными корнями: *Баймаган балд гэлсэжэ, / Басага асарха бололойт, / Нуумаган хүлд гэлсэжэ, / Хүбүү гаргаха бололойт* (цит. по: [Дампилова, 2008, с. 37]) ‘Стоя друг друга хватая, / Дочь вы зачали, / Сидя друг на друге прыгая, / Сына вы зачали’. Л. С. Дампиловой дан приблизительный перевод: ‘Когда соединялся с девушками стоя, / Зачинали девочку. / Когда соединялся с ними сидя, / Зачинали мальчика’ [Там же, с. 37]. Образное наречие *балд байса* имеет значение ‘грубо, резко’ (ТСБЯ I, с. 211), глагол *балд гэхэ* можно перевести как ‘грубо хватать’. Звукоподражательный глагол *хүлд гэхэ* ассоциируется с гулкостью, проваливанием вниз: – *Хари хоёр-гурбан хоногой хэжэсг хүрөө гээшэ гү даа, ехэл ханяалгана, шадал тэнхээм үгы, – гээд, хэлэнэн үгээ баталха гэхэндэл худалаар хүлд байса ханяаб* (А. Жамбалдоржиев) ‘Я сказал: «Последние два-три дня, видимо, грипп у меня, сильный кашель, сил нет» и словно в подтверждение своих слов стал притворно гулко кашлять’. Фонетически близкий глагол *гүлд гэхэ* имеет значение ‘звучно глотать’ (ТСБЯ I, с. 507).

В халха-монгольском языке зафиксирован образный глагол *оцгонолдох*, образованный от глагола *оцгонох* ‘выступать, торчать верхней частью вперед’ (БАМРС II, с. 506). В «Толковом словаре монгольского языка» дается словосочетание *оцгор бөгс* ‘большой, выпяченный зад’³, из которого становится понятно, что *оцгонолдох* означает ‘двигать большими попами’. В бурятском языке представлен дисфемизм *хондойлгохо* ‘заставить выпятить попу’, образованный от глагола *хондойхо* ‘выпячиваться – о заде’. Также в разговорном халха-

² Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Общий архивный фонд (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ). Д. 2224. Г. Д. Санжеев. Л. 34.

³ URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/70075> (дата обращения 15.01.2024).

монгольском языке активно используются глаголы *бавах* ‘иметь сношение с лицом женского пола’, *бавалзах* ‘заниматься сексом’. Основное значение образного глагола монг. *бавалзах* ‘трясти лохмами, космами, бородой’ (БАМРС I, с. 205), бур. *бабалзаха* ‘маячить, шевелиться – о чем-либо лохматом, пушистом’ (ТСБЯ I, с. 184). В речи встречается парный глагол *бавах шавах*, от него образован глагол *баваа шаваа хийх*. Компонент *шавах* имеет звукоподражательную основу, передающую звук хлопка, шлепка.

Звукоподражательная сфера представлена такими глаголами, как монг. *нур-нур хийх* ‘шуметь, шипеть’, бур. *наршаганаха* ‘досл. шуршать, шелестеть’. В русском языке к звукоподражаниям относятся глаголы *чпокать*, *шипёхать*, *диньдинькаться* и др.

К дисфемизмам можно отнести глаголы, перенесенные из сферы домашних животных: монг. *харайх* ‘скакать’, *мордох* ‘садиться верхом’, *нохой мордох* ‘сесть верхом на собаку’ (ср. рус. *по-собачьи*, англ. *doggy-style*), монг. *азаргалах* ‘покрывать кобылу’, монг. *гишгэх*, бур. *гэшихэхэ* ‘покрывать самку, совокупляться – о жеребцах’, бур. *зайлада орохо* ‘случаться с быком’, *ороондо орохо* ‘случаться’. Бурятский глагол *хөөсэлдэхэ* ‘заниматься сексом’ происходит от *хөөхэ* ‘гоняться’, в халха-монгольском языке *хуц хөөхэ* ‘гоняться – о баране-производителе в период течки’ (БАМРС IV, с. 144). В значении ‘иметь сношение с лицом мужского пола’ используются бур. *унаха* ‘оседлать’, *аладаа хабишуулха* ‘зажимать в промежности’. Несомненно, используемый при метафоризации зоологический код обусловлен важной ролью домашних животных в жизни кочевников и позволяет раскрыть национально-культурную специфику монгольских языков.

Также представляет интерес использование пищевого кода в языке новых баргутов Китая: появление глагола *айраг бүлэх* ‘сбивать айрак’ в значении ‘заниматься любовью’ связано с механическими действиями мутовки для сбивания айрака. Примечательно, что среди старых баргутов глагол в подобном значении не используется в связи с высокой степенью сакральности молочной пищи. Предметный код используется в широко распространенном эвфемизме *энгэр зөрүүлэх* ‘совокупляться’ (БАМРС IV, с. 415), досл. ‘тереться бортами одежды друг о друга’.

Эвфемизмы. К эвфемизмам можно отнести глаголы, образованные от монг. *явалдах* ‘ходить вместе’, бур. *үгэлдэхэ* ‘давать друг другу’, монг. *унтах*, бур. *унтаха* ‘спать’, ср. рус. *спать* ‘иметь половую связь’. В осинском говоре бурятского языка глагольная основа также принимает не характерный для основной семантики глагола аффикс совместного залога: *унталдаха* ‘быть в интимных отношениях’.

В улигере качугских бурят «Эржэн Мэргэн хүбүүн», записанном С. П. Балдаевым, глагол *унтаха* используется в паре с синонимом *нойршохо* ‘спать’ в значении ‘заниматься любовью’: *Эржэн Мэргэн хүбүүн / Үнэгэши Тайжа басагатай / Обоо зөөлэн орондоо орожи, / Ууиха зөөлэн хүнжэлөөрөө хушажи, / Хушуу хушуугаа холбожи, / Нахюу газараараан / Нахид байсаран тэбэрэлдэжи, / Бүдүүн газараараан / Бүгсэгэд байсаран таалалдажи / Унтан нойршоһониин тэрэ лэ*⁴ *‘Эржэн Мэргэн хубуун / С девушкой Унэгэши Тайжа / В пышную мягкую постель возлегли, / Нежным мягким одеялом накрылись, / Устами друг к другу прильнув, / Изогнутые места [тела] / Выгибая, обнимали. / Плотные места [тела] / Выпячивая, целовали. / Так они занимались любовью’.*

Среди глаголов со значением ‘объединяться’ в рассматриваемой семантической сфере используются монг. *нэгдэх* ‘соединяться’, *залгалдах* ‘стыковаться’, *нийлэх* ‘сливаться’, бур. *ханилан ниилэхэ* ‘совокупляться’ (букв. ‘сдружившись соединяться’), монг. *ойртох* ‘сближаться’.

В монгольских языках в рассматриваемом значении используются «игровые» глаголы: бур. *наадаха* ‘играть, развлекаться’, *зугаалха* ‘развлекаться, веселиться’, монг. *хайрын баяраа хэхэ* ‘устраивать праздник любви’. Так, в бурятском эпосе «Алтан шагай» любовные игры героев представлены следующим образом: *Суур сагаан хушуугаараа / Озолдожи хэбтэнэд*

⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 233. Стк. 2971–2980.

лэ. / *Сомсогой сагаан хүхэйн / Таалажи хэбтэнэ. / Дээрэ доро гаралсажи, / Дэлэн хүхөө барилсажи, / Зугаалажи хэбтэнэ* [Шаракшинова, 2000, с. 30] ‘Вытянутыми белыми устами своими / Целуясь, лежат [они]. / Упругие белые груди ее / Лаская, лежит [он]. / Кто сверху, кто снизу – позы меняя, / За грудь друг друга держась, / Развлекаясь, лежат [они]’. Поэтический перевод Н. О. Шаракшиновой: «Своими алыми устами / Они целуются, обнимаясь. / Он ее ласкает, обнимает, / Грудь тугую гладит ей. / Ласкает, заключив в объятия ее. / Любовью оба насладившись...» [Там же, с. 68]. Как видно, здесь глагол *зугаалха* переведен как ‘наслаждаться любовью’.

«Одной из крайностей в отношении к эротическому является стремление избежать любого упоминания половых действий за счет употребления местоимений *оно, это, нечто, что-то* и т. д.» [Чжан Чань, 2011, с. 40]. В монгольских языках с целью избежать коммуникативного дискомфорта используются заместительные глаголы монг. *яах*, бур. *яаха* ‘делать что-л. (употребляется для заполнения паузы при затруднении говорящего выразить свою мысль, подобрать нужное слово или выражение, иногда заменяет все недосказанное)’ (БРС II, с. 693), монг. *тэгэх*, бур. *тиихэ, тиигэхэ* ‘делать так, поступать таким образом’ (БРС II, с. 239). Вопросы бур. *Яахамнай гү? Тиихэмнай гү?* можно перевести как «Давай займемся этим?». В хорчинской народной песне поется: *Ямаан дэвсгэрээ дэвслээ дээ, / Яндартай жинтүүгээ тавьчихлаа хө. / Яаранхай зантай чи л минь / Яая яасан ч гүй явчихлаа хө* ‘Козью подстилку постелила, / Подушку с белым платком положила. / А ты, мой торопливый, / Так толком ничего не сделав, ушел’. В ойратском языке используется пейоратив *эхээ тэгмэр*, в котором глагольная основа *охох* ‘иметь сношение с лицом женского пола’ заменена на *тэгэх*. Основной причиной появления в русском языке местоглаголия *этовать* Л. П. Юдова считает стремление говорящих не утруждать себя подбором определенного глагола, а использовать так называемый заменитель всех глаголов. При этом автор отмечает, что, с другой стороны, глагол *этовать* заменяет нецензурный глагол [Юдова, 2019, с. 149].

Среди эвфемизмов, возникших в результате лексикализации синтаксических словосочетаний, выделяется группа, в которых секс ассоциируется с некой работой: бур. *ажалаа хэхэ* ‘выполнять свою работу’, монг. *эр эмийн ажил хийх*, бур. *эрэ эмын ябадал хэхэ* ‘выполнять работу мужчины и женщины’, *ор дэрний ажил хийх* (букв. кровати и подушки работу выполнять) ‘выполнять постельную работу’, *хөнжлийн явдал хийх* (букв. одеяла работу выполнять) ‘делать постельные дела’, бур. *инагай ябадал хэхэ* ‘совершать любовные дела’. Тема постели «обыгрывается» в таких образцах, как *дэр нэгтгэх*, *дэр нийлүүлэх* ‘объединять подушки’, *өнчин дэр жаргаах* ‘доставлять удовольствие одинокой подушке’. О. С. Цыдендамбаевой выявляются универсальные черты в эвфемизмах с позиции отражения ими определенного видения мира человеком, в частности, автором выделяется эвфемизм, относящийся к обозначению интимных отношений: бур. *орондо оруулха* ‘букв. впустить в кровать’, рус. *делить свое ложе*, англ. *go to bed with sb* ‘пойти в кровать с кем-л.’, нем. *mit j-m das Bett teilen* ‘делить с кем-л. кровать’ [Цыдендамбаева, 2020, с. 7].

Как пишет Ш. Одонтөр, эвфемизмы *загас наадуулах* ‘заставлять играть рыбок’, *загас тэнцүүлэх* ‘уравновешивать рыбок’, *загас усны цэнгэл үүсгэх* ‘устраивать веселье рыбок и воды’ пришли из восточной литературы, сравнение с рыбками основано на их плавном, свободном движении в воде [Одонтөр, 1996, х. 43]. Также в восточной литературе встречаются примеры эвфемистической репрезентации сферы сексуальных отношений на основе переноса из области атмосферных явлений, например: *нар сарны явдал үйлдэх* ‘уподобляться солнцу и луне’, *үүлэн борооны явдал хийх* ‘уподобляться тучам и дождю’. Примечательно, что в китайском языке есть подобный фразеологизм: 云雨 *yúnyǔ* ‘тучи и дождь; заниматься любовью’. Параллель между явлениями природы и сексуальными отношениями прослеживается в бурятской загадке, отгадкой к которой является гроза: *Баруун тээхээ ерэхэдэнь бари-хань гэжэ ханааб. / Бариад дараад унахадань, алахань гэжэ ханааб. / Хатуу ёдогороо гаргахадань хутаганинь гэжэ ханааб. / Халуун бүлээнээр бусалхадань шуһанинь гэжэ ханааб* (записано от М. С. Маншеева, 1958 г. р., род *хулзаан сагаантан*, с. Хойтогол Тункинського

района Республики Бурятия) ‘Когда пришел он с западной стороны, подумала, что поймает. / Когда, схватив, сверху меня придавил, подумала, что убьет. / Когда нечто твердое и остроко-
нечное вынул, подумала, что это нож. / Когда теплым обдал, подумала, что кровь’. Занятия любовью в халха-монгольском языке также вуалируются с помощью таких поэтических образований, как *балын амтанд согтуурах* ‘пьянеть от вкуса меда’, *жаргалын дээдийг эдлэх / амсах / хуртэх* (букв. счастья высшую [степень] испытывать / отведывать / получать) ‘испытывать высшее наслаждение’, *амьдын жаргал эдлэх* (букв. жизни счастье испытывать) ‘испытывать истинное счастье’.

Итак, глаголы со значением ‘совершать половой акт’ образуют в монгольских языках обширный синонимичный ряд, который постоянно пополняется. В сфере вербализации половых отношений наблюдаются универсальные процессы эвфемизации и дисфемизации, которые представляют собой две противоположные тенденции – либо к смягчению, либо к усилению негативной экспрессии. Также нами выделены ортофемизмы, которые используются в словарных статьях, литературных произведениях. Среди дисфемизмов выделена довольно большая группа глаголов с семантикой удара или другого физического воздействия, свидетельствующая об активной мужской и пассивной женской роли. В качестве особенности выделяются образные глаголы, дающие яркую эмоциональную характеристику процессу совершения полового акта. Национально-культурная специфика, безусловно, проявляется в глаголах, семантически связанных со сферой животноводства. Рассмотренные в данной работе глаголы представляют собой важный источник в плане выражения ассоциативно-образного строя мышления носителей монгольских языков.

Список сокращений

англ. – английский, бур. – бурятский, бур. Барг. – баргузинский говор бурятского языка, калм. – калмыцкий, монг. – халха-монгольский, нем. – немецкий, п.-монг. – старописьменный монгольский, рус. – русский

Список литературы

- Биткеева Г. С.** Роль эвфемизмов в историческом развитии языка // Проблемы исторического развития монгольских языков: Материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 окт. 2007 г.). СПб.: Нестор-История, 2007. С. 32–35.
- Дампилова Л. С.** Сексуально-эротические мотивы в шаманских песнопениях бурят // Живая старина. 2008. № 3. С. 37–39.
- Крысин Л. П.** Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–408.
- Санжина Д. Д.** Эвфемизмы в картине мира бурят // Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания: Материалы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 21–24 июня 2005 г.). Улан-Удэ, 2005. С. 208–209.
- Сундуева Е. В.** Обценная лексика бурятского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016а. № 2 (12). С. 49–56.
- Сундуева Е. В.** Семантическая сфера любви в монгольских языках // Гуманитарный вектор. Серия: Филология. Востоковедение. 2016б. Т. 11, № 3. С. 189–193. DOI 10.21209/2307-1834-2016-11-3-189-193
- Ульзетуева З. Д.** Эвфемизмы в аспекте языковой толерантности // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: Материалы Междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. В. И. Рассадина (Элиста, 11–13 нояб. 2009 г.). Элиста, 2009. С. 199–201.
- Цыдендамбаева О. С.** Эвфемистическая картина мира: концептосфера «человек» (на материале бурятского, русского, английского, немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 178 с.

- Цыдендамбаева О. С.** Концепт жизнь человека в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK120.pdf> (дата обращения 28.01.2024).
- Чжан Чань.** Эвфемизмы сексуальных отношений в русском и китайском языках // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 10 (64). С. 38–42.
- Шаракшинова Н. О.** Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 153 с.
- Юздова Л. П.** Неолексема *этовать* в свете экологии языка // Вестник Курган. гос. ун-та. 2019. № 1 (52). С. 148–150.
- Allan K., Burrige K.** Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2006. 303 p.
- Одонтор Ш.** Монгол секс-үгийн тайлбар. Улаанбаатар: Сүхбаатар, 1996. 80 х. (на монг. яз.)

Список словарей

- БАМРС I – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1: А–Г. 520 с.
- БАМРС II – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2: Д–О. 536 с.
- БАМРС IV – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4: Х–Я. 532 с.
- БРС II – *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. Т. 2: О–Я. 708 с.
- ТСБЯ I – *Сундуева Е. В., Бальжинимаева Ц. Ц., Бабуев С. Д., Цыренов Б. Д.* Толковый словарь бурятского языка: В 4 т. Улан-Батор: Нандир, 2023. Т. 1: А–Д. 690 с.
- Kowalewski J. E.* Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. 1–3. 2690 p.
- Lessing F. D.* Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles: Uni. of California Press, 1960. 1217 p.

Список источников

- БК – Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

References

- Allan K., Burrige K.** Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2006, 303 p.
- Bitkeeva G. S.** Rol' evfemizmov v istoricheskom razvitii yazyka [The Role of Euphemisms in the Historical Development of Language]. In: Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skikh yazykov [Problems of the historical development of the Mongolian languages]. Materials of the international scientific conference. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 32–35. (in Russ.)
- Dampilova L. S.** Seksual'no-eroticheskie motivy v shamanskikh pesnopeniyakh buryat [Sexual and Erotic Motifs in Buryat Shamanic Chants]. *Zhivaya starina [Living Antiquity]*, 2008, no. 3, pp. 37–39. (in Russ.)
- Krysin L. P.** Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi [Euphemisms in Modern Russian Speech]. In: Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [Russian language of the late 20th century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 384–408. (in Russ.)
- Odontur Sh.** Mongol seks-ugiin tailbar [Explanatory Dictionary of Mongolian Sex Words]. Ulaanbaatar, Sukhbaatar Publ., 1996, 80 p. (in Mong.)

- Sanzhina D. D.** Evfemizmy v kartine mira buryat [Euphemisms in the Buryat worldview]. In: Rossiya – Aziya: stanovlenie i razvitie natsional'nogo samosoznaniya [Russia – Asia: formation and development of national identity]. Materials of the international scientific conference. Ulan-Ude, 2005, pp. 208–209. (in Russ.)
- Sharakshinova N. O.** Uligery buryat [Buryat Uligers]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, 153 p. (in Russ.)
- Sundueva E. V.** Obsmennaya leksika buryatskogo yazyka [The Obscene Vocabulary of the Buryat Language]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2016, no. 2 (12), pp. 49–56. (in Russ.)
- Sundueva E. V.** Semanticheskaya sfera lyubvi v mongol'skikh yazykakh [The Semantic Sphere of Love in the Mongolian Languages]. *Gumanitarnyi vector. Seriya: Filologiya. Vostokovedenie* [The Humanitarian Vector. Series: Philology and Oriental Studies], 2016, vol. 11, no. 3, pp. 189–193. (in Russ.) DOI 10.21209/2307-1834-2016-11-3-189-193
- Tsydendambaeva O. S.** Evfemisticheskaya kartina mira: kontseptosfera “chelovek” (na materiale buryatskogo, russkogo, angliiskogo, nemetskogo yazykov) [The Euphemistic Worldview: the Concept Sphere “Human” (Based on the Material of Buryat, Russian, English, and German Languages)]. Thesis of Cand. Sci. (Philology). Ulan-Ude, 2011, 178 p. (in Russ.)
- Tsydendambaeva O. S.** Kontsept zhizni cheloveka v evfemisticheskoi kartine mira na materiale angliiskogo, nemetskogo, russkogo, buryatskogo yazykov [The Concept of Human Life in the Euphemistic Worldview Based on English, German, Russian and Buryat Languages]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [The world of science. Sociology, philology, cultural studies], 2020, no. 1. (in Russ.) URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK120.pdf> (accessed 28.01.2024).
- Ulzetueva Z. D.** Evfemizmy v aspekte yazykovoi tolerantnosti [Euphemisms in the Aspect of Linguistic Tolerance]. In: Problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovanii [Problems of Mongolian and Altaic studies]. Materials of the international scientific conference, devoted to 70th anniversary of prof. V. I. Rassadin. Elista, 2009, pp. 199–201. (in Russ.)
- Yuzdova L. P.** Neoleksema *etovat'* v svete ekologii yazyka [The Neologism *Etovat'* in the Light of Language Ecology]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kurgan State University], 2019, no. 1 (52), pp. 148–150. (in Russ.)
- Zhang Chan.** Evfemizmy seksual'nykh otnoshenii v russkom i kitaiskom yazykakh [Euphemisms for Sexual Relations in Russian and Chinese]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2011, no. 10 (64), pp. 38–42. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Kowalewski J. E.** Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849, vol. 1–3, 2690 p.
- Lessing F. D.** Mongolian-English dictionary. Berkeley, Los Angeles, Uni. of California Press, 1960, 1217 p.
- Pyurbeev G. C.** (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, Academia, 2001, vol. 1, 520 p.
- Pyurbeev G. C.** (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, Academia, 2001, vol. 2, 536 p.
- Pyurbeev G. C.** (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, Academia, 2002, vol. 4, 532 p.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M.** (comp.). Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian dictionary]. In 2 vols. Ulan-Ude, Respublikanskaya tip., 2008, vol. 2, 708 p.

Sundueva E. V., Balzhinimaeva Ts. Ts., Babuev S. D., Tsyrenov B. D. (comp.). Tolkovyi slovar' buryatskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Buryat Language]. Ulan-Bator, Nandir Publ., 2023, vol. 1, 690 p.

List of Sources

Buryat Corpus. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Сундуева, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Ekaterina V. Sundueva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 04.02.2024;
одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 17.10.2024
The article was submitted 04.02.2024;
approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 17.10.2024*